

Т. Т. Кручковский¹, Е. Н. Котусев²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com, ²+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРЦОГСТВА ВАРШАВСКОГО И ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО)

В статье ставится задача представления основных оценочных подходов русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века по истории российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX века. В статье основные оценочные подходы русской исторической науки заявленного периода российской политики первой трети XIX века в Центральной Европе рассматриваются на примере истории создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского и связанных с ними проблем внешней и внутренней политики Франции и России. Заявленная проблематика не стала предметом отдельных историографических исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Ключевые слова: российская историография; Н. И. Кареев; Н. Н. Любич; А. Л. Погодин; М. К. Любавский; Центральная Европа; Польша; Россия; историческая полонистика; польский вопрос; польско-русские отношения; Герцогство Варшавское; Царство Польское.

Библиогр.: 62 назв.

T. T. Kruchkovsky¹, E. N. Kotusev²

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5 Oktyabrskaya St.,
230023 Hrodna, Republic of Belarus, ¹+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com,
²+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

THE MAIN PROBLEMS OF RUSSIA'S POLICY IN CENTRAL EUROPE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE DUCHY OF WARSAW AND THE KINGDOM OF POLAND)

The article sets the task of presenting the main evaluative approaches of Russian historical science of the second half of the 19th — early 20th centuries on the history of Russia's politics in Central Europe in the first third of the 19th century. In the article, the main evaluative approaches of Russian historical science of the declared period of Russia's politics of the first third of the XIX century in Central Europe are considered on the example of the history of the creation and existence of the Duchy of Warsaw and the Kingdom of Poland and related problems of foreign and domestic policy of France and Russia. The stated problems did not become the subject of separate historiographical studies, and in this context is considered for the first time.

Key words: Russian historiography; N. I. Kareev; N. N. Lubovic; A. L. Pogodin; M. K. Lubavsky; Central Europe; Poland; Russia; historical polonistics; the Polish question; Polish-Russian relations; Duchy of Warsaw; Kingdom of Poland.

Ref.: 62 titles.

Введение. В статье ставится задача представить основные оценочные подходы русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века к основной проблематике российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX века. К числу основных тем истории региона в интерпретации русской историографии второй половины XIX — начала XX веков относились: Наполеоновские войны и Центральная Европа, российская политика в Центральной Европе, польский вопрос в контексте политики Наполеона и России и др. Польский вопрос первой трети XIX века в регионе рассматривался в контексте Наполеоновских войн, создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского. Польская проблематика занимала особое место в русской исторической науке XIX — начала XX века также по причине особо взаимосвязанной истории России и Польши. Дополнительная сложность исследуемой тематике придавалась фактом принадлежности большей части этнической Польши власти российских императоров и сохраняющейся остротой польского вопроса на всем протяжении

рассматриваемого периода [1]. В статье основные оценочные подходы русской исторической науки заявленного периода российской политики первой трети XIX века в Центральной Европе по причине ограниченности объема исследования рассматриваются на примере создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского. Данная проблематика включает в себя ряд сложных и взаимосвязанных научных проблем. В рамках данного историографического исследования предполагается в первую очередь выделение следующих основных проблем: истории создания Герцогства Варшавского и Царства Польского, вопрос Центральной Европы на Венском конгрессе, оценка конституционного устройства Царства Польского, Царство Польское как определенная модель решения польского вопроса в России первой трети XIX века.

Методология и методы исследования. В качестве источников интересующей нас проблематики в русской историографии оговариваемого периода следует отнести труды обобщающего характера по истории России, Польши, Литвы, Западной Европы [2—18]. К ним в первую очередь относится история Западной Европы нового времени Н. И. Кареева [2] и курс лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории Западной Европы [6]. Началу XIX века посвящен пятый том истории Западной Европы нового времени Н. И. Кареева и первый том курса лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории Западной Европы. Источниками являются и специальные работы русских историков, посвященные отдельным вопросам истории Центральной Европы в первой трети XIX века, дипломатическим отношениям, польскому вопросу в России этого периода и др. [19—28].

По проблематике истории Герцогства Варшавского и Царства Польского как наиболее знаковых элементов французской и российской политики в Польше в оценке российской историографии исследуемого периода имеется ряд специальных исследований, в первую очередь Н. Н. Любовича [29], Ф. М. Уманца [30], М. К. Любавского [31; 32].

В историографическом плане заявленная тематика отдельно не изучалась. Ряд ее проблем затрагивался косвенно в современной историографии (Т. Т. Кручковский [1; 33—36], Л. М. Аржакова [37; 38]. Т. Т. Кручковский рассматривает некоторые аспекты исторической полонистике Н. И. Кареева, Ф. М. Уманца, М. К. Любавского, в том числе в отношении истории польского вопроса в России первой трети XIX века, отмечая его характерные черты и особенности. Некоторые аспекты заявленной проблематики польского вопроса в России первой трети XIX века в творческом наследии Н. И. Кареева затрагивались, прежде всего, в работах Л. М. Аржаковой. Следует отметить, что даже в современном российском коллективном исследовании, посвященном Царству Польскому, отсутствует историографический обзор [39]. Только фрагментарно упоминаются труды таких историков исследуемого периода, как Н. И. Кареев, Н. К. Шильдер, А. А. Корнилов, великий князь Николай Михайлович. Это относится и к более ранней работе Л. А. Обушенковой, посвященной Царству Польскому [40]. Однако заявленная проблематика не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. До 60-х годов XIX века не представляется возможным говорить об исследовании рассматриваемой нами проблематики в русской исторической науке. Имелись отдельные оценки русско-французского соперничества на польских землях (Герцогство Варшавское), а также и Царства Польского, его конституционного строя в общем контексте изучения истории России, Польши, в исторической публицистике 20—50-х годов XIX века [41—44]. Негативную оценку Н. М. Карамзина созданию Царства Польского [45] как весьма ошибочного и крайне вредного для интересов Российской империи, по его мнению, способа решения польского вопроса Александром I следует, по нашему мнению, отнести к области политической публицистики тех лет. Роль Н. М. Карамзина в польском вопросе в России не ограничивалась его исторической полонистикой, его «Историей» или даже политической интерпретацией польского вопроса в меморандумах «Записка о древней и новой России» и «Записка о Польше», а, прежде всего, заключалась в той воспитательной роли придворного историографа в отношении поляков, в негативном отношении Н. М. Карамзина с оппозиционной группой в отношении реформистских и «полонофильских» увлечений императора Александра I [1, с. 89]. Этот эпизод весьма ярко освещён еще А. Н. Пыпиным [46], а в современной российской историографии — А. Н. Сахаровым [47].

Теоретико-методологические основы данного исследования опираются как на основополагающие принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Одним из использованных способов исследования творческого наследия Н. Н. Любовича является предложенный группой современных исследователей (А. Л. Самович и др.) междисциплинарный подход. Он позволил автору на примере исследуемого историка показать его общественно-политические и историософские позиции, отношение к истории Польши, показать роль личности и ценностных установок в развитии творческого наследия Н. Н. Любовича.

В решении поставленных исследовательских задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Принцип историзма, который требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, позволяет избежать модернизации изучаемых явлений с точки зрения современности. Принцип объективности является сознательной ориентацией исследователя на воздержание от критических оценок познаваемой действительности, от привнесения ценностных суждений в научное познание. Ценностный подход позволяет дополнить установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. К общенаучным методам относятся: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод восхождения от конкретного к абстрактному, метод классификации и типологизации, метод концептуального анализа. Наиболее используемыми специально-историческими методами являются: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективного и перспективного анализа, метод диахронического анализа, метод контент-анализа и т. д.

Вместе с тем эти общенаучные методы в отношении творческого наследия Н. Н. Любовича значительно упрощают и обедняют оценочные подходы российской исторической полонистики, не позволяют представить всей оригинальности подходов отдельных исследователей. Проявлением их в исторических исследованиях являются специально-исторические методы: историко-типологический

и историко-системный. Они рассматривают историю исторической науки как определённую систему со всеми её составляющими и взаимодействующими элементами — с творчеством историка, деятельностью научных центров (исторических школ и направлений) и т. д.:

– историко-сравнительный метод позволяет выявить место отдельных ученых и историографических направлений в ряду других, определить их сходства и различия во взглядах. Сравнительно-историографический метод использовался автором для сравнения различных исторических взглядов изучавших данные проблемы исследователей. Это позволило увидеть вклад Н. Н. Любовича в развитие исторической науки России и Польши;

– проблемно-хронологический метод позволяет сконцентрировать внимание на рассмотрении того или иного компонента исторической концепции в динамике. Таким компонентом исторической полонистики, проявляющимся во всех концепциях российской науки, является тезис о цивилизационном противостоянии России и Польши, о религиозном характере их противоборства и т. д.;

– метод исторической периодизации является важным элементом нашей исследовательской работы. В его применении мы использовали нескольких уровней: периодизация научного творчества отдельных ученых; научных направлений; исторической мысли в целом или значительного отрезка времени.

К числу сложных методов исторического познания относится структурно-функциональный анализ. Этими компонентами являются труды творческого наследия Н. Н. Любовича. На основании этого метода можно делать выводы о принадлежности ученого к какой-либо «исторической школе» или направлению, об общественной значимости работ ученого, о его вкладе в историческую полонистику.

Все эти требования к вышеназванным принципам и методам исторического исследования особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет его столь «чувствителен» к субъективным оценкам. Использование таких принципов и методов исторического исследования позволило решить намеченные цели и задачи. В связи с ограниченным объемом более подробно описать применение этих принципов и методов историографического исследования не представляется возможным.

Исследования польской историографии по проблематике истории Герцогства Варшавского и Царства Польского, как и вообще истории Польши, а тем более истории России, длительное время не использовались в русской историографии по причине слишком больших, часто диаметральных различий в оценках весьма тесно взаимосвязанной истории Польши и России. Использование работ польской историографии начинается в русской исторической науке со времен публикаций историков краковской консервативной исторической школы. На работы польских историков этого направления любили ссылаться русские историки как консервативного, так и либерального направления [1].

Н. И. Кареев в своей истории Западной Европы нового времени, изданной уже в начале XX века, приводил для общей характеристики Царства Польского оценки из работы Х. Лисицкого об Александре Велепольском. Он использовал, прежде всего, тезис польского историка о не использованных поляками для их общественно-политического, культурного развития возможностях конституционного строя Царства Польского, характеризуя при этом этот труд польского историка как достаточно объективный [2, с. 22]. Н. И. Кареев также отмечал, что в русской историографии, несмотря на использование исследований польской историографии, истории Царства Польского, до сих пор нет еще полной истории Царства Польского, ее создание необходимо еще подождать [2, с. 22].

Это положение еще в большей степени следует отнести к истории Герцогства Варшавского, которая так и не дождалась специального исследования в русской историографии. Отдельные элементы проблематики истории Герцогства Варшавского в русской науке в некоторой степени отмечены, прежде всего, в обобщающих трудах по истории Западной Европы. Это относится к истории Западной Европы нового времени Н. И. Кареева, изданной в начале XX века [2] и курсе лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории [6]. Н. Н. Любовичу принадлежит фактически единственная работа по истории Герцогства Варшавского [29], хотя и формально посвященная иной проблематике — русской политике в отношении польских земель в 1812 году. Вместе с тем в данной работе Н. Н. Любович опирался на широкую источниковую базу: архивные материалы, мемуары французских, польских и российских деятелей той эпохи, польскую и французскую прессу того времени, а также французскую, польскую и российскую историографию проблематики и т. д. Н. Н. Любович не ограничился тематикой событий 1812 года на польских землях, но и представил их на фоне широкого контекста событий начала XIX века в Центральной и Западной Европе, а также и западно-русских земель (т. е. восточных территорий бывшей Речи Посполитой, современных территорий Беларуси, Литвы и Украины).

В 1915 году в России была опубликована работа известного польского историка Ш. Аскенази «Царство Польское» [48]. Предисловие к ней написал известный русский либеральный историк А. А. Кизеветтер. Он отмечал, что данная работа о Царстве Польском весьма полезна для русского читателя по многим причинам: объективность подачи материала с опорой на исторические источники, небольшой объем материала для читателя. «Несмотря на то, — писал далее русский историк, — что этот труд носит научно-популярный характер, вообще он нужен и для российского читателя, хотя и был написан для английского издателя» [48, с. 17].

Далее мы видим весьма интересный и вместе с тем типичный для русской, а потому и советской историографии прием в отношении к переводным историческим работам. Так, А. А. Кизеветтер утверждал, что для удобства российского читателя при переводе этой работы опущена первая часть труда Ш. Аскенази, которая посвящена характеристике истории России того периода и «является избыточной для русских читателей, знакомых с фактами отечественной истории» [48, с. 9—10].

Значительная часть русских либеральных историков (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, Н. Н. Любович, А. Л. Погодин, М. К. Любавский, А. А. Корнилов) видели причины русской либеральной политики начала XIX века в отношении поляков к необходимости противопоставления Франции и польской политике Наполеона. По мнению Н. Н. Любовича, Наполеоновские войны изменили Европу, особенно Центральную, имея в виду Польшу и Германию [6, с. 108]. «Можно утверждать, — продолжал он, ссылаясь на работу Фурнье, но без страничных ссылок, — что Наполеону принадлежит честь создания Германии» [6, с. 108]. В числе наиболее важных преобразований Наполеона в регионе были: ликвидация феодальных отношений, территориальные и политические изменения в Центральной Европе, особенно изменение политической системы в Польше и Германии [6, с. 143].

По утверждению А. Л. Погодина, в начале XIX века Франция и Россия разыгрывали польскую карту в Центральной Европе: Наполеон в 1807 году предлагал Александру I новый раздел Польши посредством передачи польских земель прусской части Польши. Александр I отказался в связи с тем, что хотел сохранить Пруссию как возможного будущего союзника [5, с. 54]. Согласно мнению А. Л. Погодина, русско-польские отношения были столь сложными, что даже гений Наполеона не смог представить план решения польского вопроса [5, с. 49]. «Наполеон, образуя Герцогство Варшавское, — по утверждению А. Л. Погодина, — хотел просто использовать поляков, но не понял, что Россию пугать Польшей нужно не только с Варшавой и Познанью, но также с Краковым и Вильно» [5, с. 49].

Н. Н. Любович в свою очередь представлял другую сторону этого процесса: отмечая надежду поляков на Наполеона как «воскресителя Польши» и рассмотрение создания им Герцогства Варшавского как первый шаг к полному восстановлению Польши [29, с. 4]. При этом большинство поляков не понимали политики Наполеона в польском вопросе, считая, что их пролитая кровь за Наполеона приведет к восстановлению польского королевства [29, с. 4]. Поляки сражались за интересы Наполеона во всей Европе и за ее пределами, лишая свободы иные народы [29, с. 4]. Однако Наполеон избегал связывать себя обязательствами в отношении к Польше [29, с. 2]. Более того, Н. Н. Любович оценивал польскую политику Наполеона как ловкую дипломатию использования Польши, истощения ее военных и финансовых ресурсов и отказывал французскому императору в роли «воскресителя Польши», как считало большинство поляков [6, с. 119]. Эту роль Н. Н. Любович, как большинство русских историков, определял за российским императором. «Александр же, — писал Н. Н. Любович, — лелеял мысль восстановления польского королевства под своим скипетром», оговариваясь далее, что непонятно только, в какой форме [6, с. 120]. При этом, критикуя наполеоновскую легенду в польской историографии, он ссылаясь на мнение известного польского историка Ш. Аскенази [6, с. 120].

А. А. Корнилов подчеркивал, что польская карта в дипломатической игре Наполеона и Александра I привела к их попыткам привлечь поляков обещаниями на свою сторону. Однако ученый не поддерживал всеобщее негодование в русской историографии относительно «предательства» Адама Чарторыйского. А. А. Корнилов писал, что А. Чарторыйский никогда не скрывал от царя, что действует также на пользу польского вопроса. Вообще, по мнению А. А. Корнилова:

«...и Наполеон
и Александр I, обещая полякам покровительства и образование государственности, в итоге
должны были получить плоды своей непоследовательной политики» [23, с. 16].

В свою очередь В. Ф. Францев считал, что политика Александра I создала в польском обществе еще до 1812 года сильные прорусские настроения, что даже во Франции стали сомневаться в поляках как союзниках [7, с. 17]. А. Л. Погодин не поднимал вопроса о недоверии к полякам русского царя в этот период. Этот вопрос у Александра I, утверждал А. Л. Погодин, появился уже только в 1812 году: «...в России была большая подозрительность к полякам, в этой ситуации поверили евреям, хотя

и следили за ними, опасаясь их слишком чрезмерной услужливости» [5, с. 54]. Н. Н. Любович также считал, что большинство польского общества до 1812 года поддерживало Наполеона, и сторонники пророссийской ориентации были немногочисленны [29, с. 30].

По мнению Н. Н. Любовича, Герцогство Варшавское в период кампании 1812 года по плану Наполеона должно было стать очагом польского восстания на восточных территориях бывшей Речи Посполитой [29, с. 2]. Однако император, принимая польскую делегацию уже в Вильно, не дал ей ожидаемого обещания о провозглашении восстановления Польши, но отстаивая свои интересы и обязательства, заявил о сохранении за Австрией Галиции. Он призвал поляков действовать в таком же патриотическом духе в Литве, Витебске, Украине, Подолии, как в свое время в Великой Польше [29, с. 35]. Наполеон для укрепления надежд поляков накануне войны 1812 года передал права управления от курфюрста саксонского Совету министров Герцогства Варшавского и назначил в Варшаву своего посла, что обозначало признание его независимости [29, с. 17]. Однако фактически герцогством управлял французский посол де Прадт, бывший духовник Наполеона [29, с. 18].

В этом случае император хотел решить сразу две задачи: поощрить поляков для организации антироссийских восстаний на западно-русских территориях и одновременно оставаться в тени от этих событий [29, с. 18]. Для организации антироссийских восстаний была провозглашена Генеральная конфедерация, объявлено о восстановлении польского королевства и издано воззвание к полякам восточных территорий бывшей Речи Посполитой, которое было поддержано

польской аристократией (Чарторские, Сангушки, Радзивиллы, Потоцкие и др.) [29, с. 25—26]. Н. Н. Любович вслед за польским историком А. Рембовским утверждал о ненужности Генеральной конфедерации, так она устанавливала двоевластие и мешала действиям правительства Герцогства Варшавского [29, с. 32].

Н. Н. Любович также поднимал вопрос о попытке французских властей и поляков Герцогства Варшавского в декабре 1812 года создания народного ополчения и сопротивления русским войскам, что вызвало негодование в истощенном крае. Было высказано недовольство польских властей Герцогства Варшавского политикой французского императора в польском вопросе: отказ от восстановления польского королевства путем присоединения восточных территорий бывшей Речи Посполитой, отказ от действий польских войск отдельным соединением и т. д. [29, с. 48].

Н. Н. Любович признавал, что в отличие от большинства армии Наполеона польские войска корпуса Понятовского (хотя из 36 тыс. человек вернулось только 6 тыс.) сохранили патриотический дух, все свои знамена, верность своему вождю [29, с. 50]. Вместе с тем Н. Н. Любович основного польского противника России — военного министра Герцогства Варшавского И. Понятовского — называл «несчастной звездой для польского народа» [6, с. 122]. Талантливый полководец, но он не понял, что судьба Польши в руках России и с ней нельзя бороться, как понял это Чарторыйский и др., а также командующий австрийским корпусом Шварценберг [6, с. 123]. Далее Н. Н. Любович по этому поводу отмечал, говоря о переписке Шварценберга, опубликованной в 1912 году, что не правы те польские историки, которые обвинили его в измене Наполеону [6, с. 123].

Однако в целом, писал Н. Н. Любович, ссылаясь на прусского дипломата, была потеряна вера поляков в восстановление польского королевства Наполеоном, только небольшая группа сторонников Понятовского сохранила веру в Наполеона и попыталась создать ополчение Герцогства Варшавского для противодействия наступающей российской армии [29, с. 51]. Однако говоря о польских политиках, понявших неизбежность поражения Наполеона и того, что судьба Польши находится в руках Александра, и начавших вести переговоры с российской стороной посредством А. Чарторыйского, Н. Н. Любович отмечал, что они вели их тайно, чтобы «не прослыть плохими патриотами» [29, с. 57].

Вместе с тем историк, отмечая неудачу создания многочисленного народного ополчения, в традиции российской историографии утверждал, что причины этого кроются в шляхетском характере Герцогства Варшавского: воззвание было адресовано только к шляхте [29, с. 53]. При этом историк отдельные моменты создания ополчения в традициях российской консервативно-националистической историографии [1] показывал примерами в карикатурном стиле.

Великодушие и благородность Александра I в отношении к полякам после 1812 года были неоднократно подчеркнуты в российской историографии. Писалось о том, что поляки ожидали отмщения за свои деяния в России в 1812 году, предвидели месть и грабежи (Н. Н. Любович, Н. И. Кареев,

Н. К. Шильдер, В. Ф. Францев, М. О. Коялович и др.). «Александр I взял судьбу Польши в свои руки, — писал Н. Н. Любович, — великодушием и дарованием политических свобод» [29, с. 58]. Далее он припоминал конкретные шаги российского императора: обещание введения конституции, прощение для поляков, служивших у Наполеона, отказ от пролития крови, так как запретил корпусу Милорадовича входить в Варшаву, получив взамен хлеб, соль и ключи от города [29, с. 58]. Как дальнейший пример такого поведения Александра I в отношении Польши Н. Н. Любович приводил распоряжение содержания польских войск Царства Польского за счет российской казны [6, с. 120], снижение налогов, установленных Наполеоном [6, с. 122]. С другой стороны, отмечал М. К. Любавский, приводя ответ Александра I на письмо А. Чарторыйского, «действия польского войска в Москве, Смоленске во время войны 1812 года оживили прежнюю ненависть русских к полякам» [9, с. 371].

Александр I вопреки ожиданиям большинства поляков, писал Н. Г. Устрялов, сохранил существующие порядки, даже польскую армию княжества, не было также никаких грабежей. Александр I обещал и дал полякам конституцию, обещал даже присоединение русских земель. «В этом случае Александр I предал политику Екатерины II и поляки весьма убедительно доказали ему как справедливо думала и поступала в отношении их Екатерина» [11, с. 385]. П. Д. Брянцев в этом отношении также считал, что «поляки выразили своим поведением неблагодарность Александру Благословенному за его дарованную полякам наиболее либеральную конституцию» [49, с. 3]. Впервые предупреждение Александру I о возможной

неблагодарности поляков, о невозможности таким путем удержать стремление поляков к независимости высказал еще Н. М. Карамзин в своей известной «Записке о Польше» [45].

Часть русских либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любович, А. Н. Пыпин, А. А. Корнилов, М. К. Любавский) считали, что польский вопрос был весьма важным на Венском конгрессе, и это привело к созданию Царства Польского как ограниченного польского государства,

а также благодаря активной и заметной роли самих поляков во времена Наполеоновских войн.

Н. Н. Любович писал, что польский вопрос был одним из основных вопросов Венского конгресса, подчеркивая общую позицию в нем России и Пруссии [6, с. 108]. Историк рассматривал территориальные изменения в Европе после Венского конгресса с точки зрения формирующихся европейских наций [6, с. 130], отмечая рост национального сознания народов после конгресса, упоминая в первую очередь немцев, поляков и итальянцев [6, с. 143]. Польский вопрос стал, считал также и М. К. Любавский, одним из основных на Венском конгрессе и мог привести к будущей войне союзников [9, с. 373].

По мнению И. И. Григоровича, польский вопрос стал одним из основных в европейской политике еще до Венского конгресса: в 1811 году вопрос восстановления Польши подняли одновременно Наполеон и Александр I, а в 1815 году — с одной стороны Россия, с другой — Австрия и Англия, которые боялись чрезмерного усиления России [8, с. 9—10]. Эту же мысль отмечал и М. К. Любавский: Талейран увидел опасность присоединения Польши к России и поднял вопрос о ее независимости, получив поддержку в своих опасениях от Австрии [9, с. 373]. Подобную позицию занимал

и Н. Н. Любович [6, с. 110].

Решение Венского конгресса по польскому вопросу с образованием Царства Польского, утверждал В. Ф. Францев, было счастливым решением польского вопроса. По его мнению, поляки после Венского конгресса стали сторонниками российской ориентации [7, с. 27]. Согласно В. Ф. Францеву, славянская идея в польском обществе как ответ на политику сближения русских и поляков Александра I в этот период стала очень популярной [7, с. 28]. Подобным образом высказывался также А. А. Сидоров, считая, что во времена Александра I казалось уже близко русско-польское сближение, разумеется, путем присоединения Польши к Российской империи [20, с. 7]. В. Ф. Францев утверждал даже, что политика Александра I путем образования Царства Польского открыла новую эру в жизни польского народа [7, с. 22]. Подобную мысль о возможности русско-польского сближения и соединения славян в период Царства Польского высказывал также Ф. М. Уманец [30, с. 25].

Р. Зотов, ссылаясь на мнение Н. М. Карамзина и Н. Г. Устрялова, утверждал, что только Царство Польское спасло поляков, так как период Герцогства Варшавского был самым печальным в истории Польши. Он писал: «...великодушный Александр I в рыцарских чувствах хотел быть не только восстановителем, но и благодетелем Польши» [21, с. 118—120]. В то же время весьма позитивно была оценена в русской историографии попытка Александра I присоединить полностью Герцогство Варшавское. М. К. Любавский считал, что этой попыткой Александр I смог объединить вокруг себя поляков [9, с. 372]. Н. Н. Любович противопоставлял государственную политику в национальном вопросе немцев и русских, приводя в качестве примера отношение Александра I к Царству Польскому: сохранение польской национальности и Франца I в отношении Венеции — задача ликвидации итальянцев [6, с. 124].

По мнению А. А. Кизеветтера, период с 1813 по 1815 год и Царства Польского был временем наибольшего территориального охвата российского государства в Польше. Дальше он утверждал, что посредством этого факта Россия никогда не была так близка к решению польского вопроса в свою пользу, как в этот период [48, с. 17].

Совершенно отличное мнение высказывал ряд русских либеральных историков. Н. Н. Любович прямо писал, что главная задача участников Венского конгресса — это захват добычи, как можно большей для каждого [6, с. 112]. По его мнению, никто не считался с интересами народов [6, с. 112]. Согласно мнению А. Л. Погодина, Венский конгресс, который явился новым разделом Польши, вместе с тем гарантировал права национальных меньшинств. Однако только в России (имея в виду Царство Польское) эти права в отношении поляков соблюдались [10, с. 49—50]. По мнению также М. К. Любавского, решение Венского конгресса по польскому вопросу — новый раздел Польши. По его утверждению, это случилось по той причине, что Россия не смогла пол-

ностью присоединить себе Польшу, так как против этого выступили Австрия и Франция [9, с. 373].

Собственно истории Царства Польского (кроме общей оценки Царства Польского как модели решения польского в России) совершенно мало уделялось внимания в русской историографии. Это касалось историков как консервативного, так и в значительной части либерального направления. Так,

П. Н. Ардашев в изданной в 1910 году работе по всеобщей истории посвятил Царству Польскому, включая и польское восстание 1830 года, всего 17 строчек [18]. При этом он сумел рассмотреть историю Венского конгресса без упоминания польского вопроса. Также и в курсе российской истории

С. Ф. Платонова польский вопрос при рассмотрении истории Царства Польского практически отсутствовал [17]. История Царства Польского отдельно не рассматривалась также и у П. Г. Виноградова,

т. е. она интерпретировалась им явно как история России [51].

Весьма нетрадиционно для русской консервативной историографии историю Царства Польского как приемлемую для России модель решения польского вопроса посредством добровольной русификации поляков рассматривал Ф. М. Уманец [30; 52; 53].

Первым историком в русской историографии, посвятившим Царству Польскому отдельную работу, был М. К. Любавский [31]. Собственно, это было не научное исследование, а прежде всего учебная книга по новой истории для гимназии: третий том ее был посвящен истории Царства Польского, изложенной автором с либеральных позиций.

М. К. Любавский был также единственным из русских историков, который хотя бы отдельно обозначил проблематику государственного устройства Царства Польского. Вместе с тем этот труд являлся не исследовательской работой, а носил учебно-просветительский характер. В целом в «Царстве Польском и его конституции» М. К. Любавский, отметив представительность власти, определенный демократизм этой конституции, говорил о ее сословном (шляхетском) характере, как наследии сейма времен шляхетского общественно-государственного устройства.

У ряда русских историков (С. М. Соловьев [26], Н. Н. Любич [6], Н. К. Шильдер [27; 28], В. К. Надлер [25], великий князь Николай Михайлович [59], М. О. Коялович [14; 60], А. Н. Пыпин [50; 61], П. Д. Брянцев [62]) в исследованиях, касающихся истории царствования Александра I, проблематика Царства Польского, как способ решения польского вопроса, не могла быть не затронута в той или иной степени. Так, Н. Н. Любич объяснял политику восстановления Польши Александра I рядом причин: политическим расчетом, так как это мог сделать Наполеон, и самолюбием российского императора [6, с. 122]. М. К. Любавский считал, что несмотря на полное поражение Наполеона, усилия польских патриотов не пропали даром. «Эти усилия создали огромное моральное впечатление, — продолжал он, — ярко показали, что польский народ не умер, что хочет иметь собственную национальную жизнь и готов за это понести огромные жертвы. Это моральное впечатление, несомненно, оказало влияние на чашу весов, когда решалась судьба Польши» [9, с. 371].

Весьма нетрадиционную оценку польской политики Александра I и в особенности образования Царства Польского дал известный либерал Б. Н. Чичерин. Он утверждал, что «Россия может с честью смотреть именно на эту страницу своей истории, которая снимает её вину перед поляками» [22, с. 17].

Б. Н. Чичерин, который, как один из немногих русских историков, признавал право поляков на создание независимого государства, считал, что создание Царства Польского было ошибкой русской политики. По его мнению, во времена национального возрождения (Италия, Германия) поляки должны были получить эту же возможность [22, с. 21].

Такой подход Александра I к Царству Польскому, утверждал А. Н. Пыпин, связывая проблему образования этого королевства и его государственного устройства с польским вопросом, порождал

в Европе представление об исторических правах Польши, когда их признавал сам русский император, соглашаясь ограничить свои права [50, с. 9]. Создание Царства Польского с его Конституцией и отношением к нему Александра I давало основания полякам думать о возвращении прежнего политического значения Польши [50, с. 9].

Оценка Царства Польского как формы решения польского вопроса весьма различна в русской историографии. Создание Царства Польского и дарование ему Александром I Конституции большинством российских историков связывалось с польским вопросом и к тому же

рассматривалось как ошибка, так как она, по их мнению, не только не отвечала интересам России, но и стала преградой для русификации Польши и западных губерний (А. А. Корнилов, Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любавич, Д. И. Иловайский, Н. К. Надлер, Н. К. Шильдер, М. О. Коялович и др.).

По мнению же А. Л. Погодина, польская политика Павла I и Александра I не была направлена на возрождение Польши, а только опеку над поляками, что объяснялось пониманием непрочности присоединения недавних территорий к России, а также желанием и необходимостью использования польской карты в европейской политике этого времени [5, с. 19].

В среде консервативно-националистических историков доминировала точка зрения о Царстве Польском как искусственном государственном образовании Александра I, несовместимой с национальными интересами России. Так, по мнению М. О. Кояловича, «русский реформатор Сперанский, опираясь на вероломных поляков, с неумолимой логичностью человека, получившего сильное теоретическое образование, переделывал государственные учреждения с симметрией французского чиновничества». «Адам Чарторыйский с шайкой еще более коварных поляков как Чацкий, Лелевель, он подготовлял ближе подходящую к западноевропейским образцам конституцию на своей родине — в Польше и, так как под Польшей он разумел всю Западную Россию, то при содействии русской власти раскинул по всей этой стране самую пагубную в русском смысле систему польского образования, испортившую целые поколения» [60, с. 209]. По утверждению М. О. Кояловича, «двенадцатый год показал, что Россия может стать грудью против всей Европы и без конституции, и что поляки способны только были тогда на измену России» [60, с. 210].

По мнению Н. К. Надлера, Александр I был не в состоянии отвлечься от польских симпатий

и идеалов молодости и взглянуть на польский вопрос с чисто русской точки зрения. «Как и во многих других отношениях, в польском вопросе Александр I продолжал оставаться неисправимым идеалистом» [58, с. 56]. «Влияние идей мистицизма во второй половине царствования Александра I привело к тому, что если прежде он стремился восстановить Польшу во имя отвлеченной идеи справедливости, то теперь это восстановление казалось ему необходимым согласно чувству вновь осознанного им христианского долга» [58, с. 56]. Н. Н. Любавич в отношении политики Александра I к Царству Польскому писал о его доверии в отношении поляков — Чарторыйского, Друцкого-Любецкого и др. [6, с. 125].

Противоречие существования Царства Польского с русскими националистическими интересами, согласно этой точке зрения, было также и в том, что это остаточное польское государство было связано с западными губерниями России. Это также увеличило шансы поляков, согласно мнению М. О. Кояловича, на полонизацию западно-русских территорий, а затем и присоединение их к Царству Польскому [14]. Согласно А. А. Корнилову, «в случае присоединения русских земель Речи Посполитой к Царству Польскому польское восстание, имеющее целью полное отделение Польши от России, наступило бы раньше 1830 года. Это присоединение русских земель к Польше было бы настоящим возрождением Польши» [23, с. 26—27]. Этой последней возможности наиболее опасались в русской консервативно-националистической среде, а также в либеральной.

М. О. Коялович в духе консервативно-националистических традиций утверждал, что польский вопрос в Западной России (на бывших территориях Речи Посполитой — *Т. К.*) не потерял своего значения и после разделов Речи Посполитой. Согласно его мнению, наоборот, польско-русские отношения еще более обострились. Это случилось, так как поляки, утверждал М. О. Коялович, использовали русское великодушие времен Александра I и начали возрождать Польшу на русских территориях [14, с. 9].

Многие русские историки славянофильской ориентации (И. С. Аксаков, М. О. Коялович, И. Ф. Филевич, Д. И. Иловайский, П. Д. Брянцев) даже утверждали, что поляки на бывших русских территориях Речи Посполитой сохраняют свои позиции только благодаря опеке российского правительства. И. С. Аксаков по этому поводу писал, что «...только российское правительство поддерживает поляков на западнорусских землях, если бы не было этой поддержки, то за две недели в крае не осталось бы ни одного поляка» [44, с. 90].

М. О. Коялович прямо обвинял либеральную политику Александра I в польском вопросе причиной ухудшения положения русского населения Западной России и в его полонизации благодаря политике поддержки поляков царем. Особенно это было видно в сфере образования:

поляки в период Александра I смогли в западном крае за русские деньги создать свою среднюю и высшую структуры образования [14, с. 368].

Близкую к этой точке зрения на Царство Польское как части Польши и отсюда возможности возрождения Речи Посполитой давала и русская либеральная историография (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любавич, А. А. Корнилов, М. К. Любавский). Так, А. А. Корнилов утверждал, что Царство Польское имело значение для поляков только как часть Польши и могло удовлетворить польское общество только при условии следования по пути Александра I (имея в виду его обещание присоединения к Царству Польскому русских земель Речи Посполитой — *Т. К., К. Е.*). По мнению А. А. Корнилова, никто в Польше не сомневался в необходимости присоединения Белоруссии и Украины, хотя 90 % их населения было не польским, польским был культурный слой населения [23, с. 26, 28].

Н. И. Кареев, характеризуя Царство Польское, считал, что оно рассматривалось поляками как временное, переходное состояние, так как перипетии их судьбы конца XVIII — начала XIX века приучили их видеть в каждом периоде решение польского вопроса как временное состояние.

В связи с этим у поляков оставалась надежда на полное возрождение Польши [2, с. 19]. Подобную точку зрения высказывал также и А. А. Корнилов, говоря о том, что поляки рассматривали Царство Польское как первый шаг к возрождению Польши [23, с. 25].

Подобным образом рассуждал и А. Н. Пыпин. Создание Царства Польского не решало в России польский вопрос: недовольство поляков Царством Польским следовало, прежде всего, из того обстоятельства, что за пределами его оказались русские земли, которые поляки считали своими, а русское правительство осознало это только после восстания 1830 года [46, с. 40]. Это же обстоятельство, по мнению М. К. Любавского, было причиной недовольства поляков Царством Польским: претензии на Литву и Западную Русь [9, с. 376].

При этом ряд русских историков прямо обвинили Александра I в предательстве русского дела

и сознательной деятельности в пользу польских интересов. Так, согласно мнению Н. К. Шильдера, вину за такую русскую политику, противоречащую русским народным интересам, несет лично Александр I. По мнению историка, ошибкой Павла I было то, что его сын был воспитан как либерал, сочувствующий Польше, который считал Костюшко героем. «Адам Чарторыйский, — утверждал Н. К. Шильдер, — использовал эти настроения императора, считая, что Божественное Провидение сделало Александра царем, этого любимого внука Екатерины, для добра всего человечества и его отчизны» [27, с. 117]. Отсюда замысел Александра I «посвятить все свои силы дарованию России со временем свободы и освободить ее от деспотизма и тирании» [27, с. 166].

А. Пузыревский, ссылаясь на мнение Н. К. Шильдера, считал даже, что Александр I еще до 1812 года имел намерение возрождения Польши с отдачей полякам русских земель бывшей Речи Посполитой [58, с. 5]. В качестве шага в этом направлении он рассматривал возможность подчинения военной и гражданской администрации Литвы великому князю Константину. Все эти действия Александра I давали надежду полякам и привели к их восстанию [27, с. 294]. Такую же позицию занимал

и И. П. Филевич, считая, что «настоящий виновник польских бунтов — это царь Александр I» [54].

Отдали дань данному весьма сомнительному положению и часть русских либеральных историков. По мнению М. К. Любавского, Александр I был готов расширить Царство Польское до 12 млн человек, но добровольно, без давления поляков [9, с. 377]. Причину отказа русского императора

М. К. Любавский видел также и в том, что самолюбие Александра I было затронуто назойливостью поляков [9, с. 377].

Такое решение польского вопроса, как утверждалось в русской историографии, в России было невозможно. А. А. Кизеветтер по этому поводу отмечал, что склониться к такому решению польского вопроса не могло ни правительство, ни общество [48, с. 12]. А. А. Корнилов отмечал, что попытка Александра I расширить Царство Польское вызвала протест в русском обществе как со стороны либеральных, так и консервативных и радикальных кругов. Он приводил как пример сопротивления такой политике Александра I известную записку Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина»,

а также намерения декабриста Якушкина совершить покушение на царя в случае присоединения русских земель к Царству Польскому. В результате, считал Корнилов, Александр I оставил идею расширения Царства Польского, не включив в его состав даже Белостокский округ, населенный преимущественно польским населением [23, с. 24—25]. В итоге на такое решение польского вопроса, продолжал историк, не соглашалась не только власть, но и русское общество [23, с. 26].

По мнению Р. Зотова, русские либералы только со временем смогли понять, что спокойствие и само существование Царства Польского возможно только при условии искреннего и тесного соединения с единоплеменной и могучей Россией [21, с. 121].

Вместе с тем определенная часть русских историков преимущественно славянофильской ориентации (Ф. Уманец, Р. Зотов, А. Гильфердинг) считала, что сближение русских и поляков было возможно благодаря соединению Царства Польского и империи. Хорошим началом на этом пути считались великодушные жесты Александра I в отношении поляков в 1813 и 1815 годах: прощение поляков за участие в войне 1812 года на стороне Наполеона и образование Царства Польского, дарование Конституции. Р. Зотов писал: «...казалось, что великодушные и благодарные навсегда свяжут новых подданных с великодушным императором» [21, с. 120]. По мнению Зотова, «никогда Польша не пользовалась такими обширными правами» [21, с. 121].

По утверждению А. Гильфердинга, «...во времена Александра I началось сближение с поляками, которое, не обращая внимания на все препятствия и трудности, будет укрепляться и приносить хорошие плоды, потому что вражда бесплодна, а любовь плодотворна» [12, с. 9]. Интересно отметить, что данное положение было высказано в 1868 году после очередной антипольской волны настроений в русском обществе после восстания 1863 года. А. Гильфердинг оценивал польскую политику Александра I как проявление славянофильских чувств к братнему славянскому народу. Он писал, что «Александр I не стал мстить полякам за времена преследования русских и православной веры, когда они владели русскими землями. Александр I видел в них братьев-славян и поэтому даровал им такое государственное устройство, которого они никогда не видели» [12, с. 8].

К изучению проблемы государственного устройства Польши времен Речи Посполитой и Царства Польского русская историография в своем большинстве относилась поверхностно, не предпринимая собственных исследований. Объясняется этот недостаток внимания как преобладающим в русской историографии пренебрежительным отношением к шляхетскому государственному устройству, как символу анархии, так и тем, что до 80-х годов XIX века данная проблема попадала в основном в фокус внимания русской консервативной историографии (М. О. Коялович [14], И. П. Филевич [54] и др.). Такое же отношение господствовало и в либеральной историографии (С. М. Соловьев [55], В. И. Герье [56], Н. И. Костомаров [57]).

В русской историографии только М. К. Любавский в статье учебно-образовательного характера «Царство Польское и его конституция» непосредственно рассматривал интересующий нас предмет изучения [31]. М. К. Любавский, отметив представительность власти, определенный демократизм этого конституционного устройства, говорил о ее сословном (шляхетском) характере как наследии сейма времен шляхетского общественно-государственного устройства. Некоторые оценки конституционного устройства Царства Польского имеются в других трудах М. К. Любавского, носящих обобщающий характер [9].

Впоследствии эти взгляды относительно конституционного устройства Царства Польского (хотя с многочисленными оговорками) получают распространение в определенной части русской историографии в начале XX века (А. Л. Погодин, М. К. Любавский, В. А. Мякотин). Интересен факт усиливающейся в годы русского парламентаризма начала XX века положительной оценки парламентской системы Царства Польского Н. И. Кареевым [2; 3], что особенно заметно на фоне растущего осуждения парламентской системы вообще его учителем В. И. Герье [56].

Вместе с тем в оценке шляхетского устройства Речи Посполитой и Царства Польского, в особенности русская консервативная историография (Д. И. Иловайский [15], Н. К. Шильдер [27; 28]

и др.), отмечали особо тот факт, что многие негативные черты шляхетского государственного устройства (слабость исполнительной власти, своеволие сеймиков, либерум вето и т. д.) были ликвидированы во времена Царства Польского благодаря опеке русского государя, благотворному воздействию самодержавной русской государственной идеи. Здесь наблюдается противоречивость оценок: с одной стороны, отмечается ненужность и вредность для поляков конституционного

устройства, неумение им воспользоваться для их же собственного блага; с другой — расцвет Царства Польского благодаря дарованному Александром I рациональному конституционному устройству.

Весьма разнообразно и неоднозначно оценивалась в русской историографии конституционное устройство Царства Польского, ее характер и истоки. Часть русских историков (Н. Шильдер [27; 28], А. Корнилов [23], П. Виноградов [51, с. 187]) считала, что Конституция Царства Польского имела в качестве образца польскую Конституцию 3 мая. Другая часть (М. Любавский [9], М. Осокин [13]) видела таким источником строй Герцогства Варшавского. Существовали также сравнения Конституции Царства Польского с Конституцией Людовика XVIII во Франции (Н. И. Кареев [2], И. Григорович [8, с. 156]), а также с русской Конституцией для Финляндии (Н. И. Кареев). М. Осокин считал, что Конституция Царства Польского образовалась на политических идеалах XIX века, общих как для Западной Европы, так и Восточной [13, с. 7].

Влияние же собственно польских парламентарных традиций увидели весьма немногие в русской историографии и исторической публицистике, что было связано как с отсутствием собственных исследований по данной проблематике, так и пренебрежительным отношением к «шляхетской анархии» и Речи Посполитой (проигравшей в военно-политической борьбе с русским самодержавием в XVI—XVIII веках).

Та часть русских историков, которая принимала парламентские государственные формы устройства, отмечала особо отсутствие в сейме Царства Польского (как и Речи Посполитой) широкого сословного представительства, считая польское парламентское устройство аристократическим. Так, Н. И. Кареев сравнивал шляхетский парламентаризм с римской республикой патрициев, где только последние были полноправными гражданами, а все остальные находились вне гражданского общества [2].

Особенно отмечался в русской историографии либеральный характер дарованной Александром I Конституции Царства Польского. В. Ф. Францев отмечал, что Конституция Царства Польского обеспечивала для поляков возможность дальнейшего свободного развития [7, с. 26]. Н. И. Кареев характеризовал конституцию Царства Польского в соотнесении с эпохой ее принятия: «...была она весьма либеральной, если принять во внимание характер эпохи» [2, с. 22]. Н. И. Кареев также видел демократичность Конституции Царства Польского, учитывая характер эпохи. Конституция, отмечал он, давала свободу слова, печати, закрепляла права польского языка, устанавливала обязанности и права короля, сейма и т. д. [2, с. 20].

Весьма высокую оценку Конституции Царства Польского давал и М. К. Любавский, утверждая, что она была наиболее демократической в тогдашней Европе. Для доказательства своего положения русский историк приводил данные численности избирателей в Царстве Польском и во Франции с их общим количеством населения: 100 тыс. имеющих право голоса в Царстве Польском и 80 тыс. во Франции [9, с. 373], отмечая наличие в общественно-политическом устройстве Царства Польского Конституции, сейма, судов как атрибутов конституционно-либерального устройства.

Выдвигалось в русской историографии и положение о том, что негативное наследие анархии времен Речи Посполитой не позволило полякам воспользоваться благоприятной ситуацией под властью русского императора. «Во времена Речи Посполитой поляки настолько сжились с традициями “золотой вольницы”, — утверждал Н. И. Кареев, — которая была на деле анархией, что не хотели, или вернее уже не умели понимать свободу под иными формами» [2, с. 22]. Мнение о том, что поляки не смогли использовать Конституцию Царства Польского, дарованную Александром I, поддерживал также И. И. Григорович в очерке всеобщей истории, написанном по заказу Министерства просвещения [8, с. 64]. Конституция Царства Польского, по его мнению, схожа была с Конституцией Людовика XVIII. По утверждению Р. Зотова, воспользоваться благоприятными условиями для развития Царства Польского не позволили сами поляки: «...но дурные семена, засеянные веками, не могли так скоро дать хороший урожай» [21, с. 121].

Внутреннее общественно-политическое устройство Царства Польского оценивалось в русской историографии как дальнейшее сохранение привилегированного положения шляхты. Так, А. А. Корнилов, отмечая успехи промышленного развития Царства Польского, утверждал, что это

не сказалось на создании буржуазии, т. е. успешные люди стремились в шляхетское сословие [23, с. 28].

В русской либеральной историографии был поставлен также вопрос о несоответствии конституционных форм Царства Польского и самодержавной власти императора России. Н. И. Кареев по этому поводу писал: «Начала которыми управлялась империя не могли не переноситься в практике правительственной политики в Польше» [2, с. 24]. Б. Н. Чичерин, давая высокую оценку польской политике Александра I, общественно-государственному устройству Царства Польского, считал, что образование пришлось на неудачный период правления: вторая половина правления Александра I отличалась отсутствием либерализма и была направлена в сторону реакции [22, с. 18]. Подобную точку зрения высказывал и Н. И. Осокин: в этот период Александр I отказался от своих либеральных взглядов в пользу мистицизма [13, с. 29].

Весьма близкую точку зрения высказывал и М. К. Любавский: Конституция Царства Польского была добровольным даром Александра I, но её утверждение пришлось на неблагоприятный момент. «Сам Александр I изменился, да и время настало иное, — писал историк, — период реакционного духа Европы» [9, с. 383].

М. К. Любавский, отмечая наличие в общественно-политическом устройстве Царства Польского Конституции, сейма, судов как атрибутов конституционно-либерального устройства, вместе с тем видел, что соединены две несовместимые вещи: абсолютная монархия России и конституционное устройство Царства Польского [9, с. 382]. Либеральный характер Конституции 1815 года, утверждал Н. И. Кареев, не соответствовал традициям российского государственного устройства [2, с. 23—24]. Согласно мнению М. К. Любавского, царь Александр I не мог вопреки традиции не вмешиваться во внутренние дела Царства Польского: так он присвоил даже себе руководство администрацией Царства Польского [9, с. 382].

В свою очередь, в консервативной историографии некоторое ограничение самодержавных прав императора к Царству Польскому интерпретировано было не только как нарушение естественных прав царя, но и национальных интересов России. Так, Н. К. Шильдер писал, что русские государственные интересы находились в противоречии с Конституцией Царства Польского [28, с. 20]. Этот же историк называл акт коронации Николая I польской короной унижением достоинства российского императора, который согласился на этот шаг, желая, по мнению Н. К. Шильдера, доказать верность слова своего брата Александра I, а также по просьбе великого князя Константина. Впервые такая интерпретация конституционных норм Царства Польского и самодержавных прав русского монарха как нарушение интересов России была дана еще Н. М. Карамзиным [45]. Согласно мнению И. С. Аксакова, Конституция образца 1815 года Царства Польского не была пригодна для решения польского вопроса в России, так как это была Конституция шляхты, которая привела к анархии и вместо русского правления — к свирепому деспотизму и разделению Польши между Пруссией и Австрией [44, с. 43].

Общей в русской историографии, как консервативной, так и либерального направления, является положение о том, что поляки не смогли использовать возможности развития, которые давало им Царство Польское в период с 1815 по 1830 год. В представлении консервативно-славянофильской историографии этот шанс заключался в возможности сближения поляков с русскими посредством соединения с Россией в пользу мифического общеславянского дела. В оценке же либеральной историографии — в развитии автономного Царства Польского в составе Российской империи, для будущего союза славянских народов. Иного варианта развития Царства Польского в русской историографии не было представлено.

Весьма традиционным для русской славянофильской историографии является положение Ф. М. Уманца о политической «недальновидности» поляков. Он обвинял поляков в том, что они не поняли значения общеславянской идеи объединения и не захотели поддаваться русификации, тем более что во времена Александра I для этого были наилучшие условия [52, с. XXXV]. В связи

с этим он высказывал претензии к Адаму Чарторыйскому как министру Александра I, который, по его словам, «не смог подняться выше уровня обычного шляхтича, не смог отбросить свой мелкий сепаратизм» [52, с. XXXV—XL].

Ф. М. Уманец считал, что эта черта (политическая недальновидность) была общим недостатком польского общества, которое никогда не умело стать на уровень общих интересов русского и польского народов [52, с. XXXIII—XLIII], т. е., по его мнению, согласиться на

добровольную русификацию во имя общеславянского объединения. Для представления объективности подходов к идее славянского единства следует отметить, что Ф. М. Уманец был единственным в русской историографии, кто признавал право поляков в XVI веке объединения славян на почве более высокого цивилизационного развития на тот период [52].

В отличие от большинства русских историков А. Сидоров обвинил в неудаче русско-польского сближения не только поляков, но и Россию. Он писал, что в этом случае столкнулись между собой две непримиримые тенденции: польская (с идеей европеизации России и захвата русских земель) и русская (как консервативная, так и радикальная), которые не могли согласиться на эти условия [20, с. 7]. А. Л. Погодин отмечал, что в этом случае данная тенденция помогла полякам сохранить свою национально-культурную самобытность. Именно вера в мессианство польского народа, проповедуемая идеологами польского романтизма, и в первую очередь Адамом Мицкевичем, «помогла польской интеллигенции, разбросанной на чужбине и томящейся под властью Пруссии, проводящей германизацию, и Австрии, стремящейся разобщить польский народ и его интеллигенцию, переносить свою тяжелую участь в ожидании более светлого будущего» [5, с. 51].

А. А. Корнилов поддержал положение о значительном отличии интересов поляков и русских, даже весьма близких по убеждениям, отмечая, что поляки не поддержали декабристов в России, хотя были лучше подготовлены. Это произошло по той причине, что русские дела для них (поляков Т. К.) были совершенно чужды [23, с. 29].

Период Царства Польского (1815—1830) однозначно представлен был в русской историографии как период динамичного развития в области экономики, просвещения и национальной культуры. Однозначно утверждалось, что за 15 лет Царство Польское достигло огромных успехов в области хозяйственной, культуры, просвещения, значительно увеличилось количество народонаселения, армия Царства Польского стала совершенной благодаря стараниям Константина [7, с. 24]. Успехи в развитии Польши под русским владычеством отмечал и Н. Г. Устрялов: «Под русским руководством Польша добилась такого благосостояния... Александр I возродил Польшу до этого времени покрытую песками и болотами, где только гнездились жида» [11, с. 96—97].

Н. И. Кареев писал также, что Польша после бури и потрясений, бесплодных попыток реформ (1774—1794) «получила впервые внутренний порядок с широкой общественной самодеятельностью и прочно обеспеченным внешним миром» [2, с. 24]. Установление конституционного порядка в Царстве Польском отмечал и С. А. Платонов [17, с. 673].

Н. К. Шильдер представлял Польшу до русского правления и в период Царства Польского как огромную разницу: Польша, которая до этого времени была «песчаной и грязной пустыней», стала под российским владычеством «цветущей страной с развитой промышленностью, дорогами, боеспособной армией» [28, с. 20]. Также у Н. К. Надлера мы встречаем угрюмую картину Польши до русского владычества: «Повсюду невообразимая грязь, нищета» [25, с. 172], «...а также враждебное и настороженное отношение шляхты и горожан, тупое равнодушие крестьян, ...одни только жида, хорошо понимавшие, что наполеоновскому владычеству пришел навсегда конец, встречали нас дружелюбно, устраивали шумные овации и доставляли припасы, разуется за деньги» [25, с. 173]. Успехи в развитии Царства Польского отмечал и И. И. Григорович, ссылаясь на польских исследователей [8, с. 157].

В то время, по мнению А. А. Корнилова, политические, социально-экономические изменения

в Царстве Польском не привели к изменениям идеологическим, т. е. отношению к России, русским землям Речи Посполитой, на которые так надеялись русские. «Польские предприниматели, — писал историк, — не стали основным растущим условием, а пополняли ряды шляхты, принимая ее идеологию — стремление к возрождению Польши» [23, с. 28].

В свою очередь И. Аксаков не считал Царство Польское не только моделью решения польского вопроса в России, но и возрождения польского народа как части славян. Согласно славянофильской традиции, утверждал он, Царство Польское, которое было «куплено русской кровью», не стало государством польского народа, а только польской шляхты [44, с. 90]. Для настоящего возрождения Польши нужно было услышать польский народ. «Возрождение польской народности в любой политической форме возможно только с избавлением поляков от пристрастия к завоеваниям, с излечением их от роли миссионеров латинства и передовой дружины запада, с потерей рыцарства, изменением отношения шляхты к народу, с возвращением их в лоно славянства» [44, с. 91]. «Поляки должны так же забыть, — согласно мнению И. Аксакова, — о своем былом владычестве над чужими землями — западно-русскими» [44, с. 91].

Заключение. К числу основных тем истории Центральной Европы в интерпретации русской историографии исследуемого периода относились: Наполеоновские войны и Центральная Европа, российская политика в Центральной Европе, польский вопрос в контексте политики Наполеона и России и др. Польский вопрос первой трети XIX века в регионе рассматривался в контексте Наполеоновских войн, истории создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского.

Причины образования Царства Польского рассматривались русской историографией весьма неоднозначно: как результат либеральной политики царя Александра I; как результат стечения дипломатических обстоятельств, в первую очередь борьба с Наполеоном и Венский конгресс; как попытка решения польского вопроса в пользу России вплоть до версии о предательстве русских национальных интересов Александром I.

Конституционное устройство Царства Польского рассматривалось в русской историографии весьма противоречиво: с одной стороны, как продолжение определенных анархических традиций парламентского устройства времен Речи Посполитой, с другой — как радикально измененное под благотворным влиянием русской государственной самодержавной идеи.

Царство Польское как модель решения польского вопроса в России рассматривалось значительной частью русской историографии, хотя их оценки и подходы к данному вопросу порой существенно отличаются. В интерпретации русской либеральной историографии начала XX века и

даже в начале Первой мировой войны, когда польский вопрос стал международным, дальше сохранялся в сознании рецепт решения польского вопроса путем соединения с Россией в той или иной форме. Именно поэтому, на наш взгляд, большинство представителей русской историографии XIX — начала XX века видели в Царстве Польском, как зависимом от России территориальном образовании, определенную модель решения, наконец, польского вопроса в России.

Список цитируемых источников

1. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
2. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы / Н. И. Кареев. — СПб., 1908. — Т. 5. — 888 с.
3. *Кареев, Н. И.* Общий курс истории XIX и XX веков до начала мировой войны / Н. И. Кареев. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1919. — 391 с.
4. *Кареев, Н. И.* Введение в курс истории новейшего времени / Н. И. Кареев. — Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1881. — 90 с.
5. *Погодин, А. Л.* История польского народа в XIX в. / А. Л. Погодин. — М. : Изд-во Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1915. — 297 с.
6. *Любович, Н. Н.* История XIX века : курс лекций / Н. Н. Любович. — Ростов н/Д, 1916. — 402 с.
7. *Францев, В. Ф.* Польское славяноведение / В. Ф. Францев. — Прага Чешская : Политика, 1906. — 683 с.
8. *Григорович, И. И.* Очерки всеобщей истории / И. И. Григорович. — СПб. : [б. м. и г.].

9. *Любавский, М. К.* История западных славян (прибалтийцев, чехов, поляков) / М. К. Любавский. — М. : Тип. М. и С. Сабашниковых, 1918. — 477 с.
10. *Погодин, А. Л.* Краткий очерк истории славян / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.
11. *Устрялов, Н.* Русская история / Н. Устрялов. — СПб., 1845. — Ч. II.
12. *Гильфердинг, А.* Сочинения / А. Гильфердинг. — СПб., 1868. — Т. 2.
13. *Осокин, Н. И.* Политическое движение в Западной Европе в новое время / Н. И. Осокин. — Казань, 1885. — 378 с.
14. *Коялович, М. О.* Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М., 1864. — 394 с.
15. *Иловайский, И. Д.* История России / И. Д. Иловайский. — М., 1876—1905. — Т. 3.
16. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 5. — 478 с.
17. *Платонов, С. Ф.* Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. — Петроград, 1915. — 384 с.
18. *Ардашев, П. Н.* Дополнения к лекциям по всемирной истории проф. М. Н. Петрова / П. Н. Ардашев. — М., 1910. — Ч. 1. — С. 157—184.
19. *Кареев, Н. И.* Polonica. Сборник статей по польским делам (1881—1905 гг.) / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 264 с.
20. *Сидоров, А. А.* Польское восстание 1863 г. / А. А. Сидоров. — СПб., 1903. — 134 с.
21. *Зотов, Р.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I / Р. Зотов. — СПб., 1857. — 178 с.
22. *Чичерин, Б. Н.* Польский и еврейский вопрос / Б. Н. Чичерин. — Берлин : Изд-во Гуго Штейниц, 1901. — 74 с.
23. *Корнилов, А. А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. / А. А. Корнилов. — Петроград : Огни, 1915. — 93 с.
24. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов Александра I и Наполеона. 1807—1812. — СПб., 1906—1914. — Т. 1—7.
25. *Надлер, В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза / В. К. Надлер. — М., 1887. — 243 с.
26. *Соловьев, С. М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия / С. М. Соловьев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — 563 с.
27. *Шильдер, Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование : в 4 т. / Н. К. Шильдер. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1897—1898.
28. *Шильдер, Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование : в 2 т. / Н. К. Шильдер. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1903.
29. *Любович, Н. Н.* Варшава в 1812 году / Н. Н. Любович. — Варшава, 1913. — 61 с.
30. *Уманец, Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше / Ф. М. Уманец // Ист. вестн., 1883. — № 10. — С. 55—64.
31. *Любавский, М. К.* Царство Польское и его конституция : кн. для чт. по истории нового времени / М. К. Любавский. — М., 1912. — С. 101—134.
32. *Любавский, М. К.* Александр I и Польша / М. К. Любавский // Отечественная война и русское общество. 1812—1912 : в 7 т. — М. : Изд-во Т-ва И. Д. Сытина, 1911. — Т. VII. — С. 88—104.
33. *Кручковский, Т. Т.* Парламентское устройство Царства Польского в оценке русской историографии XIX — нач. XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 4. — С. 43—51.
34. *Кручковский, Т. Т.* Российско-польские отношения в первой половине XIX века и их влияние на развитие исторической полонистики в России / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2009. — № 1. — С. 72—79.
35. *Кручковский, Т. Т.* Общественно-политические условия развития исторической полонистики в России второй половины XIX века / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2009. — № 3. — С. 73—82.
36. *Кручковский, Т. Т.* Общественно-политические обстоятельства развития исторической полонистики в России начала XX века / Т. Т. Кручковский // Вучоныя зап. Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. — 2009. — Вып. 5, ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. — С. 213—223.
37. *Аржакова, Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. — 343 с.
38. *Аржакова, Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 543 с.
39. Польша и Россия в первой трети XIX века: из истории автономного Королевства Польского: 1815—1830. — М. : Индрик, 2010. — 584 с.
40. *Обушенкова, Л. А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. / Л. А. Обушенкова. — М. : Наука, 1979. — 295 с.
41. *Семевский, В. И.* Политические и общественные идеи декабристов / В. И. Семевский. — СПб., 1909. — 205 с.
42. *Ольшанский, П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Ольшанский. — М., 1959. — 179 с.
43. *Хомяков, А. С.* Записки о всемирной истории / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5—6.
44. *Аксаков, И. С.* Сочинения. Польский вопрос и западнорусское дело / И. С. Аксаков. — М., 1900. — Т. 3.
45. *Карамзин, Н. М.* Мнение русского гражданина / Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. — СПб., 1862. — С. 3—20.
46. *Пыпин, А. Н.* Общественное движение в России при Александре I / А. Н. Пыпин. — СПб., 1908. — 598 с.
47. *Сахаров, А. Н.* Николай Михайлович Карамзин / А. Н. Сахаров // Историки России XVIII—XX веков. — М., 1996. — С. 78—123.
48. *Аскенази, Ш.* Царство Польское / Ш. Аскенази. — М., 1915. — 167 с.

49. *Брянцев, П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. — Вильно, 1889. — 659 с.
50. *Пыпин, А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пыпин. — СПб., 1913. — 189 с.
51. *Виноградов, П. Н.* Учебник всеобщей истории / П. Н. Виноградов. — М., 1910. — 190 с.
52. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб., 1872.
53. *Кручковский Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // *Вестн. ГрДУ*, 2007. — № 2. — С. 47—53.
54. *Филевич, И.* Польша и польский вопрос / И. Филевич. — М., 1894.
55. *Соловьев, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьев. — М., 1863.
56. *Герье, В. И.* Борьба за польский престол 1733 г. / В. И. Герье. — М., 1862. — 671 с.
57. *Костомаров, Н. И.* Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — СПб., 1870. — Т. 1—2.
58. *Пузыревский, А. К.* Польско-русская война в 1831 г. / А. К. Пузыревский. — СПб., 1890. — 446 с.
59. Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов Александра I и Наполеона. 1807—1812 гг. — СПб., 1906—1914. — Т. 1—7.
60. *Коялович, М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб., 1901. — 203 с.
61. *Пыпин, А. Н.* Русское масонство XVIII — первой половины XIX в. / А. Н. Пыпин. — Петроград, 1916. — 575 с.
62. *Брянцев, П. Д.* Очерк. Состояние Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г. или до первого восстания поляков / П. Д. Брянцев. — Вильно, 1895. — 51 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020